

УДК 340.113
ББК 67.041

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ПРАВООТНОШЕНИЯ (ЛОГИКО-ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН)

Н. Е. Коваленко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В данной статье проведен сравнительный анализ лингвистических особенностей употребления терминов, обозначающих субъект права. Так как в российской правовой доктрине по-разному определяется субъект, выявлена аналогичная закономерность в зарубежных странах. Сделан вывод о необходимости формирования единого комплексного подхода к определению субъекта права для обновления общей теории права в современных реалиях информационного общества.

Ключевые слова: право, субъект права, субъект правоотношения, информационное общество, правоотношение, юридическая техника.

SUBJECT COMPOSITION OF LEGAL RELATIONSHIP (LOGICAL-LINGUISTIC PHENOMENON)

E. Y. Kovalenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

This article provides a comparative analysis of the linguistic features of the use of terms denoting the subject of law. Since the Russian legal doctrine defines the subject differently, a similar pattern has been identified abroad. A conclusion has been made about the need to form a single comprehensive approach to defining the subject of law to update the general theory of law in the modern realities of the information society.

Keywords: law, subject of law, subject of legal relations, information society, legal relations, legal technique.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.3)

Социум представляет собой совокупность постоянных информационных потоков, участниками которых выступают субъекты. В последующем названные информационные потоки формируют отношения в различных сферах жизни общества, часть из них подвергаются правовому регулированию. С течением времени происходит усложнение коммуникации между участниками, возникают новые виды и формы отношений, расширяется перечень субъектов и требований, предъявляемых к ним. Законодателю следует, используя данные правового мониторинга, обеспечить соответствующее правовое регулирование новых отношений в обществе, обеспечив баланс прав и обязанностей при этом принимаемые нормативно-правовые акты в обозначенных целях, должны не только отвечать существующим реалиям, но и иметь опережающий характер. В этой связи Ю. А. Тихомиров подчеркивает важность юридического прогнозирования, описывает его как определение вектора развития правового регулирования в результате исследования динамики правовой сферы, при этом обращает внимание на возможность изменчивости концепций в праве [1, с. 38]. В период информационного общества, развития технологий цифровизации, роботизации и соответствующих коммуникационных результатов научного прогресса видится актуальным их правовая регламентация. Отметим, что обозначенной проблематикой в настоящее время занимается юридическая школа Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Отдельного внимания заслуживают труды Ю. А. Тихомирова, Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило, Т. Я. Хабриевой и др. Речь идет о формировании новых форм правоотношений, где наблюдается расплывчивость характеристики

субъектов данных отношений, что выявлено в действующем законодательстве. Напомним, что правоотношение, согласно позиции С. С. Алексеева, выступает средством «перевода» нормативных положений в плоскость субъективных юридических прав и обязанностей [2, с. 135–136]. Так, в современной доктрине отмечается, что происходит «смешивание» смыслов понятий в нормативно-правовых актах, в частности «субъект права» и «объект права» подменяются друг друга при определении участников информационных отношений [3, с. 5]. Это положение характеризуется рядом факторов, главным представляется отсутствие единой комплексной теории субъекта права, которая позволила бы сформировать общие признаки, предъявляемые субъекту как участнику правоотношения и как категории права. В результате чего возник бы подход к определению понятия «субъект права». Неоднозначность понимания субъекта права ведет к возникновению полисемии, неопределённости в праве, что способствует формированию низкого уровня юридической техники правовых актов, а это, в свою очередь, влечет возникновение пробелов и коллизий в правовом регулировании.

Отметим, что советская доктрина предпринимала отдельные попытки рассмотрения субъектов права через призму правовой личности, однако данный подход раскрывает лишь одну сторону исследуемого явления. Юридическая модель личности возникает при закреплении правового статуса субъекта в норме права, соответственно, на правовом уровне происходит преобразование роли человека [4, с. 37]. В настоящее время новых концепций, способных внести существенный вклад в развитии положений о сущности субъекта права, а также раскрыть многогранность исследуемого явления, не выявлено. Субъектов определяют, как участников правоотношений, в результате взаимодействия между которыми возникают соответствующие «субъективные права и субъективные обязанности» [5, с. 182]. Поэтому для поиска решения по формированию определения понятия субъекта следует обратиться к зарубежной доктрине для выявления особенностей понимания терминологического аспекта. Выявим общие черты и сопоставим с пониманием российской доктрины права.

С помощью сравнительно-правового метода выявим отличительные черты иностранной догмы права относительно понятия «субъект права», сопоставим с современным состоянием научной разработанности названного термина в российской правовой системе.

Среди иностранных авторов отсутствует единый подход к пониманию субъекта права, с одной стороны, принято обозначение «*the subject of law*», которое используется для общего понимания, как правило, данное наблюдается в научных статьях и очерках [6–8].

Другой подход раскрывает юридическую сущность субъекта. Так предлагается следующий термин «*artificial persons*», что обозначает юридических лиц или «искусственных лиц» [6]. Предположим, что предложенный тезис отражает то, что существует «естественный субъект», в роли которого выступает человек со свойственными ему социальными и природными качествами, как только возникает необходимость закрепления правового статуса данной личности, формируется юридическая конструкция. Так, происходит установление «*legally necessary persons*», что понимается как «юридически значимые лица» [6].

Отметим, что понимания субъектов как физических лиц отсутствует в иностранной доктрине, однако встречается «*human as subject of human rights*», что определяется как «человек — субъект прав человека» в контексте естественной теории происхождения права [6]. Говоря о формировании правовой личности, ряд ученых обращают внимание на «самоорганизующие» качества, продиктованные когнитивными особенностями сознания субъекта, при этом подчеркивают, что не умаляется значение социального воздействия окружающей обстановки [7]. В качестве примера ученый Венд приводит следующую формулировку субъекта: «*rational subjects*» (рациональные субъекты), отмечает его как отображение особенности когнитивного восприятия действительности [8]. Предположим, что в качестве «самоорганизующих» качеств может выступать правовое сознание личности, которое аккумулирует в себе личностные и социально-правовые начала. Важность данной категории подтверждается в российской правовой доктрине. Ю. А. Тихомиров отмечает, что через правосознание субъекта формируется «правовой образ» процессов, который в последующем послужит основой для новых «поведенческих актов» и решений [1, с. 156].

Таким образом, приходим к тому, что иностранные ученые-правоведы не сформировали единого подхода к пониманию субъекта права как комплексной категории [6]. Кроме того, у них отсутствует единое понимание существования личности в праве, они не представляют «двуединное» содержание субъекта права как правовой категории, где наблюдается существование и личностного начала,

и юридического. Для них субъект — это «искусственный образ» в тексте нормы права, а как теоретическое явление не рассматривается должным образом. В российской правовой доктрине, напротив, исследование субъекта права происходит в нескольких направлениях: как с точки зрения понятия личности в праве, так с точки зрения конструкции, предложенной гражданской отраслью права (физические и юридические лица). Однако комплексного исследования относительно категории субъект права и выработки единого определения понятия «субъект права» в теории права до сих пор не выработано. С. А. Комаров отмечает важность исследования правового содержания личности с точки зрения не только прикладных, отраслевых наук, но и общей теории права, что позволит сформировать «собственную общетеоретическую базу» [9]. Настоящая статья направлена на поднятие проблемы общетеоретического развития основных правовых категорий, что продиктовано современными реалиями и активным развитием новых форм отношений в эпоху информационного общества. Ставим перед собой цель дальнейшего исследования проблемы содержания категории «субъект права» и выработки характерных признаков, актуальных в цифровую эпоху права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Тихомиров Ю. А. Право традиции и новые повороты : монография. М. : Блок-Принт, 2023. 208 с.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. 2-е изд. 1966. 187 с.
3. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых субъектов» (цивилистическое исследование) : монография: в 5 т. Т. III / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. 286 с.
4. Орзих М. Ф. Личность и право. М. : Юрид. лит., 1975. 112 с.
5. Шафиров В. М. Теория права: человекоцентристский подход: научное, учебное, практикоориентированное пособие. М. : Проспект. 2024. 464с.
6. Dun F. V. The logic of law. Vol. 1, Art. No. 36 (2009). P. 1–55.
7. Wendt A. Why a World State is Inevitable // European Journal of International Relations, 9 (2003). P. 491–542.
8. Wendt A. The State as Person in International Theory // Review of International Studies, 30 (2004). P. 289–316.
9. Комаров С. А. Советское общенародное государство и личность: Политико-правовые аспекты. Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та. 1986. 136 с.